Т. А. МИХАЙЛОВА

Михайлова Татьяна Андреевна
доктор филол. наук, профессор
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы,
1-й корпус гуманитарных факультетов
Тел.: +7 (495) 939-25-50
E-mail: tamih.msu@mail.ru

«ПОХИЩЕНИЕ БЫКА ИЗ КУАЛЬНГЕ» КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ?

Аннотация. Известный ирландский эпический саговый нарратив «Похищение быка из Куальнге» анализируется в статье как продукт псевдоисторической монастырской традиции. В то же время текст рассматривается как источник сведений о ранней мифологии и истории Древней Ирландии, равно как источник информации о фоновых среднеирландских политических и исторических проблемах, во многом обусловивших сюжетную структуру памятника. Автор также делает попытку увидеть в тексте саги отголоски межэтнических конфликтов Ирландии I–III вв., которые в более поздние периоды традиционно замалчивались.

Ключевые слова: эпические нарративы, ирландские саги, литература и история, средневековая традиция, латинское влияние, писец и его роль в создании текста, редакции, переложения

Древнеирландская нарративная традиция дошла до нас в виде сохранившихся на страницах средневековых рукописей многочисленных прозаических повестей с особыми поэтическими вкраплениями. Оговорим сразу: рукописи содержали далеко не только эти повести, но также образцы поэзии, тексты религиозного характера, рассказы о «старинах мест», переложения античных сюжетов и многое другое, причем одновременно. Размеры этих повестей также различались довольно существенно: от нескольких строк до многих листов. Иными словами, сам характер бытования нарративной традиции в христианской Ирландии периода раннего Средневековья говорит о том, что фиксаторы этих текстов и составители более поздних кодексов не ставили своей задачей создание обширных,

© Т. А. МИХАЙЛОВА

тематически выдержанных компиляций своего древнего героического наследия. Система приоритетов у них существенно отличалась от ценностных ориентиров филологов-романтиков, которые и открыли для потомков то, что называется теперь «волшебным миром кельтского эпоса». Тот факт, что до нас дошло все-таки довольно значительное число текстов, которые действительно хранят в себе следы кельтской архаики, является отчасти случайностью, пусть счастливой (для нас), но все же — случайностью, нарушающей стройную композицию храма древнеирландской монастырской учености. Конечно, случайность эта тоже была в своем роде закономерна, но понять истинную суть данной закономерности, как мы попытаемся показать, довольно трудно.

В современной ирландистике принято, следуя все той же романтической традиции, называть собственно тексты, содержащие рассказы о королях и героях древних времен, *сагами*. Это обозначение во многом условно, и сам термин был в данном случае заимствован из скандинавской литературы. В древнеирландской традиции эти повести назывались иначе — *scél* (от общекельт. **sketlo* < и.-евр. **seq*- ‘говорить, рассказывать’, родственно германской основе *sag*- с тем же значением [Vendryes 1974: 40]), причем основным значением этого слова было не столько «повесть как текст», сколько «повесть как сумма знаний, сообщение, новость и т. п.». Таким образом, древнеирландские *скелы* нельзя назвать жанрами, это скорее единственно возможная форма существования информации о прошлом, пусть и обработанная, но все же не определяющая содержание. Отчасти сказанное относится, наверное, и к исландским сагам, которые также, называясь сагами, были достаточно разнообразны в том, что касалось историзма, мифологизма, архаики, установки на достоверность и всего прочего. Но исландская традиция знала и поэтическую «Эдду», причем — и мифологические, и героические эпические песни. Ирландская же нарративная традиция с точки зрения формы, кроме прозаических саг, не знала, в общем, ничего[1], и поэтому вполне правомерно задаться вопросом: а с эпосом ли мы имеем дело в данном случае? Говоря точнее, можем ли мы быть уверены в том, что в с е дошедшие до нас повести-саги могут квалифицироваться именно как эпос, причем эпос, естественно, в узком смысле слова: с его «общими местами», с одной стороны, и с особым взглядом на описываемое «эпическое прошлое», с другой? Конечно — нет! Конечно, далеко не все саги могут быть отнесены к эпическим памятникам, но решение данного вопроса, как правило, решается на уровне скорее интуитивном. И если, например, сага «Война гойделов с галлами» (Cogadh Gaedhel re Gallaibh), повествующая о битве при Клонтарфе (1014 г.), явно не может быть названа эпосом, то

[1] Строго говоря, это не совсем так. До нас дошли также поэмы разного объема, поэтические и прозаические «старины мест», поздние ученые трактаты, вкрапления в хроники и т. п. Это показывает, что на сюжетном уровне саги об уладах являлись частью некоего общего коллективного знания.

многие саги так называемого уладского цикла (см. об этом ниже) скорее принято обозначать как эпические памятники, особенно — «Похищение быка из Куальнге», главный и самый объемный из этих текстов. «Эпос и роман в ирландской литературе шествуют рука об руку», — пишет классик ирландской филологии и истории Майлз Диллон в своей обзорной книге «Древнеирландская литература» [Dillon 1948: 1], видимо, желая отметить принципиальную невозможность жанровых разграничений внутри нарративной традиции. Однако он же, говоря о «Похищении», последовательно употребляет термин «эпос»[2]. Но, повторяем, это скорее своего рода исследовательская условность и, насколько мы понимаем, вопросом о том, какие именно саги могут быть отнесены к эпосу, а какие — нет, и каковы критерии (формальные или содержательные) этого разделения, всерьез никто не занимался[3]. Видимо, сам материал не очень располагает к такому подходу.

* * *

Среди всего изобильного сагового наследия древней Ирландии сейчас принято выделять несколько циклов, причем основным критерием при этом в первую очередь служит система главных действующих лиц:

- мифологический (повествующий не столько о создании мира, сколько о последовательном заселении острова разными племенами[4]);
- уладский (или цикл Кухулина и Конхобара);
- лейнстерский (повести о Финне и его воинах);
- королевский (или исторический[5]).

Однако такое деление во многом условно и искусственно, к тому же далеко не все саги попадают в названные группы. В книге М. Диллона [Dillon 1948] в качестве отдельных «жанров» приводятся также «приключения», «странствия» и «видения», причем здесь, как видно уже из названий, субъектный принцип уступает место другому, основанному уже скорее на стиле изложения материала[6]. Примерно такое же деление всего корпуса ирландских саг на четкие «циклы» и условные «другие тексты» содержится,

[2] «Многие из этих историй относительно коротки и повествуют лишь об одном эпизоде; однако существует один длинный текст ‹…›, который можно квалифицировать как прозаический эпос» [Dillon 1948: 2]. Издатель наиболее полной версии «Похищения» С. О'Рахилли в своем обширном предисловии вообще избегает употреблять и термин «эпос», и слово «сага», предпочитая называть дошедшие до нас образцы текстов героическими повестями [Táin Bó Cúalnge 1970: ix].

[3] См., однако, разделы, посвященные ирландской традиции в фундаментальном труде Чэдвиков «Происхождение литературы» [Chadwick 1932], где анализируется традиционная для героического эпоса система образов и наиболее характерных мотивов.

[4] Рекомендуем в данном случае русскому читателю перевод классической книги А. и Б. Рисов «Наследие кельтов» [Рис 1999], где содержится достаточно интересный аналитический пересказ основных составляющих мифологической и исторической ирландской традиции.

[5] См. детальное описание саг о королях Ирландии в [Dillon 1946].

[6] А. А. Смирнов называл саги такого типа, не относящиеся ни к одному из выделяемых циклов, «фантастическими» (см.: [Ирландские саги 1933]).

например, в книге П. И. Ламбера «Кельтские литературы» [Lambert 1981: 30], однако далее оговаривается, что так называемый уладский цикл, повествующий о воинах короля Конхобара, на самом деле есть лишь одна из ветвей королевского цикла, лишь разработанная по ряду причин более детально и, так сказать, укрупненная в изображении событий.

Согласиться с этим мы не можем. Действительно, как пишет П. И. Ламбер, ирландский «мифологический» цикл на самом деле представляет собой историю заселения острова, причем начинается эта история, естественно, от сотворения мира и Потопа: так средневековые ирландские literati пытались вписать свою микроисторию в глобальный процесс создания, становления и развития всего христианского мира. Прав он и в том, что повести о королях Ирландии, в общем, также можно квалифицировать как естественное продолжение этой истории, ее локальное развитие: от полумифических фигур, являющихся скорее символами власти, к реальным историческим личностям, имена которых засвидетельствованы во многих источниках. Одна из наиболее интересных для интерпретации саг — «Разрушение Дома Да Дерга» (см.: [Предания и мифы 1991]), повествующая о гибели верховного короля Конайре, — формально относится к уладскому циклу, так как в ней действует сын Конхобара — Кормак, однако мотивный инструментарий текста позволяет отнести ее и к мифологическим текстам, и к повестям о королях. Но все же сам король Конхобар, живший, согласно преданию, в I в. н. э. (он умер, узнав о распятии Христа), как нам кажется, все же не может быть назван одним из легендарных правителей Ирландии, а саги о нем и его воинах довольно существенно отличаются от повестей о «реальных» (пусть на самом деле и вымышленных) королях.

Отличий тут, как нам кажется, в первую очередь следует назвать два. Во-первых, как отмечали еще А. и Б. Рисы, главной темой саг королевского цикла является обретение верховной власти, ее узаконивание. В уладском цикле собственно тема обретения королевской власти почти не затрагивается и, более того, истинно центральным персонажем цикла является не Конхобар, а юный герой Кухулин (отчасти — другие воины). Во-вторых, что сформулировать сложнее, уладский цикл отличается от королевского самим стилем изложения материала. Так, в одной из королевских саг говорится о том, что святой Колум Килле подарил королю Аэду плащ, который должен был оберегать его в битве[7], но при этом сам плащ не только не описан детально, но даже не сказано, какого он был цвета. В сагах уладского цикла такое было бы невозможно. Иными словами, саги об уладах более эпичны.

[7] «Велел тогда Аэд, сын Айнмире, своему слуге принести ему плащ Колумкилле, чтобы надел он его этой ночью и сохранил его плащ от лейнстерцев. Обещал ему Колумкилле, что останется жив король, пока будет носить его плащ» [Предания и мифы 1991: 185]

И все же сказанное является в очень значительной степени упрощением. Выделение эпического цикла на фоне общего корпуса прозаических повестей можно произвести с очень большой степенью относительности, причем как на формальном уровне (эпический стиль повествования), так и на уровне сюжетном. Мы полагаем, что наибольшей степенью «вычленимости» обладает скорее другой цикл повестей — Лейнстерский, или цикл Финна и Ойсина[8] (именно он послужил источником для создания знаменитых «Песен Оссиана» Дж. Макферсона). Этот цикл считается более поздним не только с точки зрения изображаемых в нем псевдоисторических событий (IV в.), но и с точки зрения появления и дальнейшего функционирования самих составляющих его сюжетов. Более того, именно эти повести о Финне и его лесном воинстве — фианне — трансформировались затем в фольклорные предания (как прозаические, так и поэтические) и сохранились в устной форме бытования в Ирландии и Шотландии практически до наших дней. Видимо, эти сюжеты были фольклорны изначально и функционировали в несколько иной среде, чем сюжеты других циклов.

В среднеирландской ученой традиции существовал совершенно другой принцип классификации содержащегося в рукописной (и, возможно, устной) традиции нарративного наследия. Этот принцип мы назвали бы «предикативным», поскольку в его основе лежит название саги, всегда являющееся одновременно и своеобразным «сюжетным кодом»: это «Плавания», «Смерти», «Сватовства», «Разрушения крепостей», «Угоны скота» и т. п. До нас дошло несколько (полных — два) списка саг, сгруппированных именно по такому принципу и построенных по характерному для средневековой (унаследованному от античности?) традиции вопросно-ответному шаблону: «Какие ты знаешь Смерти?» — «Нетрудно сказать…» и т. п.)[9]. Само наличие этих списков в сочетании с действительно скудным реестром собственно «моделей» названий саг («Убийство Н.», «Сватовство к Н.», «Разрушение крепости Н.»[10] и т. п.) свидетельствует, как считается, об архаичности традиции (действие важнее субъекта), а также о принципиальной устности ее бытования: рассказы об определенных «действиях» исполнялись в определенные поворотные для социума и личности моменты времени, как-то соотносимые с данными действиями. С этим трудно не согласиться, однако собственно эпичность традиции увидеть здесь тоже трудно. Существует также мнение, согласно которому данная группировка сагового материала не является автохтонной, а заимствована из «Этимологий» Исидора Севильского (см.: [Ní Chonghaile, Tristram 1990]).

[8] В русских переводах Лейнстерский цикл представлен только одной сагой: «Преследование Диармайда и Грайне» (пер. А. А. Смирнова; см.: [Ирландские саги 1933]).

[9] Публикацию списков, а также подробный их анализ см. в: [Mac Cana 1980].

[10] Переложение «Илиады», например, получило название «Разрушение Трои».

* * *

«В своих попытках поделить человечество на различные типы греческие философы отвели особое место людям, живущим ради действия и славы, им порожденной», — так начинает свою книгу «Героическая поэзия» классик эпосоведения С. Боура [Боура 2002: 5], и мы полагаем, что данное, несколько странное, определение глубинной сути героического эпоса в общем действительно вполне подходит именно к ирландским сагам уладского цикла.

Понятие «вечной славы», которую отчасти можно назвать эквивалентом бессмертия, принадлежит к древнейшему слою индоевропейского поэтического языка. «Мы убеждены, — пишет, например, Э. Бенвенист, — что понятие славы является одним из самых древних и неизменных в индоевропейском мире — ведийское sravas, авестийское sravah- служат ему точными соответствиями и имеют в точности то же значение. Более того, поэтический язык сохраняет в греческом и ведийском одно формульное сочетание — гомер. kléos áphtiton, вед. sravas aksitam ‘неувядающая слава’, обозначает высшую награду воина, ту “невянущую славу”, которой индоевропейский герой желает больше всего, за которую он готов отдать свою жизнь» [Бенвенист 1995: 278]. «Интересно, что мотив известности, славы является одним из излюбленных мотивов индоевропейской поэтической речи, — повторяют вслед за ним Вяч. Вс. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе, отмечая при этом: — Можно предположить, что такую ‘славу’ приобретал человек, особо отличившийся в боевых походах и военном искусстве; это согласуется с представлением о древних индоевропейцах как о воинственных племенах» [Гамкрелидзе, Иванов 1984 (2): 834].

Стремление добиться все той же «неувядающей славы», предполагает и К. Уоткинс, — в основе желания индоевропейского героя «убить дракона» или совершить какой-либо иной подвиг, который восславит его имя, а следовательно, и обессмертит его самого [Watkins 1995: 173–176 ff.]. Действительно, все повести об уладских воинах пропитаны идеей обретения бессмертной славы, получаемой обычно ценой собственной гибели, причем далеко не всегда — на поле битвы. Гибель героя должна стать объектом повествования, содержать в себе сюжет, т. е. материал для создания эпического текста, и именно в этом залог получения вечной славы как обретения бессмертия. Данная идея, как известно, имеет античное происхождение и называется иногда «гомеровским принципом». В работе К. Уоткинса о происхождении древнеирландского понятия *dúan* (поэма как дар королю) проводится сопоставление ирландской традиции с гомеровской — в частности, известный «выбор Ахиллеса» (долгая жизнь, но бесславная смерть, или короткая жизнь, но смерть со славой) сопоставляется им с аналогичной тематикой, отраженной именно в уладском цикле ирландских саг [Watkins 1976: 271]. Наиболее эксплицитно эта идея выражена в известных словах центрального персонажа цикла — Кухулина, который сказал: «С превеликой охотой остался бы я на земле всего день да ночь, лишь бы молва о моих

деяниях пережила меня» [Похищение 1985: 160]. Более того, как отмечает П. К. Форд, стремление к вечной славе, получаемой в обмен на жизнь, у ирландского героя оказывается более сильным, и «там, где Ахиллес колеблется, Кухулин делает свой выбор сразу» [Ford 1995: 259].

Кроме того, именно в сагах об уладах постоянно упоминается о том, что одной из составляющих воспитания молодых воинов было рассказывание повестей о былых подвигах их предков[11]. Более того, в конце саги «Сватовство к Ферб»[12] говорится о том, что король Конхобар, вернувшись с победой из военного похода, специально рассказал обо всем филидам (сказителям) уладов, чтобы те «по горячим следам» сложили поэмы, которые навеки восславят подвиг героев.

Другим моментом, позволяющим отнести саги об уладах именно к эпической традиции, является явно прослеживаемый в них процесс того, что принято называть эпической циклизацией. Сюжеты группируются вокруг нескольких персонажей — Кухулина и его жены Эмер, короля Конхобара, воинов Фергуса, Коналла Кернаха и др. Каждый герой (естественно, с рядом натяжек и допущений) обладает собственной эпической биографией, соотносимой, в свою очередь, с биографиями других персонажей и с центральным сюжетным с о б ы т и е м цикла — похищением быка из Куальнге. Практически все события, описываемые в уладских сагах, могут найти свое место на оси времени, где также с относительной легкостью вычленяется, во-первых, период времени в 33 года — жизнь Кухулина, а во-вторых, находящееся точно посередине собственно Похищение, т. е поход войск коннахтов под предводительством Айлиля и Медб против уладов. Хронология в данном случае опирается на возраст Кухулина, которому во время начала похода исполняется 17 лет, и это кажется нам значимым моментом: Похищение как событие, таким образом, маркирует хронологический «абсолютный центр» цикла и позволяет с относительной легкостью рассортировать весь набор рассказов об уладах по принципу: что было д о Похищения, а что п о с л е, а затем — что было д о рождения Кухулина, а что уже после его гибели. Естественно, процесс данной циклизации допускал и специфические анахронистические «накладки». Например, как известно, Кухулин получил свое имя, которое значит буквально «Пес Кулана», в результате того, что в возрасте шести лет убил сторожевого пса кузнеца Кулана и затем должен был в течение года в качестве компенсации за нанесенный ущерб охранять его дом. Однако в саге «Смерть Кельтхара», действие которой происходит уже после Похищения, рассказывается о том, как и откуда появился этот чудесный пес, причем в начале этой же саги упоминается все тот же Кухулин, который, будучи уже взрослым, играет с Конхобаром в фидхелл (настольная игра, напоминающая шахматы). Ин-

[11] Ср.: «В родительском доме, что в Ардриг на Маг Муртемне, рос этот мальчик, и с детства наслушался он историй о воинах из Эмайн» [Похищение 1985: 150].

[12] Русского перевода нет, оригинал («Tochmarc Ferbe») см.: [Windisch 1897: 462–529].

тересно, что переписчик первой редакции «Похищения» (в «Книге бурой коровы», около 1100 г.), отмечает на полях эту «историческую ошибку» и пишет, что убитый Кухулином пес, «наверное, привезен был из Испании, а не был одним из псов, родившихся из головы Конганкнеса» (цит. по: [Toner 2000: 10]).

Более того, существует ряд сюжетов, как правило оформленных в виде относительно небольших по объему текстов, которые считаются примыкающими к Похищению и особым образом предваряющими его событийно. В среднеирландской ученой традиции они получают название *rem-scéla*, «предсаги». Обычно в них рассказывается о том, как и почему тот или иной воин примкнул в войску Айлиля и Медб во время похода против уладов, но есть и другие сюжеты. Некоторые из них тесно связаны с Похищением — например, рассказ о двух свинопасах-колдунах, которые поссорились и затем после серии чудесных реинкарнаций возродились в образе двух быков — Белорогого и Бурого из Куальнге. Другие, видимо, оказались втянутыми в центробежный поток повести о походе уже довольно поздно, и «связки», при помощи которых они вписываются в общую сюжетно-временную схему, выглядят довольно искусственно. Так, сага «Приключение Неры» — рассказ о чудесном посещении волшебного холма Сида и об обратном течении времени в Ином мире — кончается небольшим эпизодом, в ходе которого королева Медб клянется, что «не выспится и не наестся досыта, пока не увидит схватку двух быков». Однако уже во время самого Похищения она об этом зароке и не вспоминает.

Все эти «перемычки», как мы понимаем, возникли уже довольно поздно, когда появилась потребность выстроить все рассказы об уладах в одну сюжетную цепь. Но когда эта потребность появилась? Почему? На устном или уже на письменном этапе бытования традиции?

Как мы уже писали выше, саги уладского цикла — это своего рода «фрагмент истории Ирландии», но фрагмент, освещенный особым образом, не исторически, а эпически. Историзм ирландского сагового наследия и, в частности, уладского цикла — это особая, сложная проблема, не имеющая до сих пор однозначного решения. Здесь возможны два совершенно разных подхода и постановка двух разных проблем, естественно, отчасти между собой связанных. Во-первых, насколько события, изображенные в уладском цикле, могут соотноситься с реальной исторической хронологией Ирландии и стоят ли за эпическими битвами отголоски каких-то реальных военных походов (как в эпосе германском, старофранцузском и т. п.)? Во-вторых, насколько описанные события соотносятся с историческим фоном возникновения самого цикла как нарративного единства, т. е., предположительно, кому и когда стало почему-то (и почему?!) нужно свести разрозненные повести в стройный цикл преданий об уладских героях? И какое место в этом процессе занимает «Похищение», уже не как рассказ о событии, а как эпический памятник? Мы не первые задаемся этими вопросами, но окончательных ответов до сих пор нет.

С точки зрения, так сказать, «политической», все саги уладского цикла связывает, в общем, одна тема — борьба уладов против коннахтов, во главе которых стоят король Айлиль и его жена королева Медб. Цикл пронизывает особое «чувство к малой родине», которое воплощается в любви уладов к их столице Эмайн Махе (реальное место, расположенное возле монастыря Армаг, основанного св. Патриком в 444 г.). Но кому (и когда) стал нужен этот гипертрофированный патриотизм северной провинции? Как в свое время писал в известной статье «Похищение и Анналы» американский историк Дж. Келлехер, «я долго пытался понять, почему в преднорманский период “Похищение” стало так популярно, и не был удовлетворен объяснением, что саги о Финне распространялись в среде скорее плебейской, тогда как повести об уладах, и особенно “Похищение”, предпочитались филидами и их аристократической аудиторией» [Kelleher 1971: 126]. Однозначного ответа на этот серьезный вопрос в его работе мы, признаться, не видим. Ссылаясь, в частности, на «Глоссарий» короля Кормака мак Кулинена, погибшего в 908 г., Келлехер отмечает, что если имена Кухулина и Конхобара в этом памятнике упоминаются, то о Похищении не говорится ни слова. Из этого он делает вывод, что оформление протоверсии эпического рассказа о походе против уладов произошло позднее, по крайней мере, широкой известности во второй половине IX в. этот сюжет еще не имел. Он полагает, что эпический рассказ был сложен именно в монастырской среде на базе отрывочных устных сюжетов неким Куану, настоятелем монастыря в Лауте, умершим в 825 г. Келлехер не только справедливо отмечает несомненно хорошее знание составителем протоверсии «Похищения» изображенных в саге ландшафта и топонимии, но и полагает, что сам данный сюжет в начале IX в. оказался необычайно важным именно для монастырей северо-восточного района. Толчком для этого послужил спор между двумя течениями внутри ирландской церкви, одну из враждующих партий при этом возглавлял монастырь в Армаге, аллегорически изображенный как Эмайн Маха[13]. Эта точка зрения была затем уточнена ирландским историком П. О’Рианом, который внес в реконструкции Дж. Келлехера множество уточнений и даже оспорил и дополнил его отдельные выводы, но при этом оставался на тех же принципиальных методологических позициях: описанные сюжеты, как он полагал, надо понимать как аллегорическое изображение реальных исторических распрей, имевших место на севере Ирландии в начале VIII в. и позднее (см.: [O’Riain 1995]).

Но если все сказанное как-то может объяснить, почему в IX в. в монастырях, расположенных на северо-востоке, вдруг стали популярны сюжеты о борьбе уладов с коннахтами, неясными все же остаются и смысл дальнейшей общеирландской значимости этих саг, и толчок к их возникновению и началу оформления в единый эпический цикл. Мы полагаем, что последний процесс начался раньше и вряд ли находился в прямой зави-

[13] Подробнее о гипотезе Келлехера см.: [Шкунаев 1985: 414–416]

симости от внутрицерковных распрей. Саги об уладах, повторяем, в качестве основного «пафоса повествования» имеют, с одной стороны, рассказы об обретении славы героя, с другой, — о противостоянии уладов войскам Айлиля и Медб, собравшим вокруг себя военные силы «всей Ирландии» (*fir hErend*, «мужи Ирландии», либо *cethri ollchóiceda hErend*, «четыре из пяти главных пятин Ирландии» — так обычно называются воины, противостоящие уладам во время Похищения). Сами улады предположительно не являлись изначально собственно гойдельской ветвью кельтской расы, но представляли собой потомков кельтов другой ветви (впоследствии — бриттской), смешавшихся, в свою очередь, с так называемыми круитни (*cruithni*, или пиктами), относившимися к еще более раннему, докельтскому населению острова (см.: [O'Rahilly 1946a: 341–352]). К началу нашей эры все население острова было в основном уже гойделизовано, однако отчасти сохраняло свою этническую и политическую самобытность.

А теперь представим себе, при каких условиях, например, в СССР стали бы популярны на официальном уровне рассказы о последовательной борьбе с русскими эстонцев или чеченцев? Это могло бы стать возможным (и иногда действительно становилось возможным), если (бы) речь шла о «других русских», т. е. в нашем случае — о царизме, который, в свою очередь, был свергнут большевиками. Возвращаясь к ирландскому эпосу, мы можем предположить, что речь здесь может идти о каких-то династических распрях, а точнее — о борьбе за власть над всей Ирландией королей из так называемых северных Уи Нейлов, изначально — выходцев из Коннахта, но затем презентирующих себя как исконных правителей Тары (Темры), символической столицы верховных королей. Более того, основным «пафосом» уладского цикла в таком случае оказывается уже не столько прославление уладов, сколько разоблачение коннахтов, их основных врагов.

Художественный текст (а эпос мы все же должны квалифицировать именно так) может быть создан «по заказу», и его функционирование во многом может опираться на адресата и им определяться. Как кажется, нехудожественные памятники — хроники и анналы — должны быть ближе к «истине». То что в «Ульстерских анналах» (да и в ряде других) Конхобар и Кухулин упоминаются как исторические персонажи[14], должно было бы особым образом продемонстрировать «историзм» уладского цикла в целом, по крайней мере в глазах носителей традиции (как устной, так и письменной). Но это не совсем так.

Мы должны отметить, что множество невольных и намеренных искажений содержат и тексты, в нашем понимании не художественные, претендующие на историческую достоверность. Так «переписывались» генеалогии и хроники, так добавлялись фольклорные мотивы в жития святых

[14] В «Анналах Тигернаха» 39 г. до н. э. помечено «рождение Кухулина, сына Суалтама», 19 г. до н. э. — «военный поход из-за Похищения быка из Куальнге», 2 г. н. э. — «смерть Кухулина». В «Ульстерских анналах» Похищение датируется 25 г. до н. э.

и т. д., причем, конечно, не только в Ирландии. Как пишет С. В. Шкунаев, «когда к периоду VII–VIII вв. начавшие претендовать на исключительное положение и власть на острове династии королей стремились оправдать это древностью своих притязаний и пытаться совместить с традиционным мировоззрением своих легендарных, полулегендарных и исторических предков, то и появились многие ложные генеалогии, выдуманные или переиначенные до неузнаваемости исторические прецеденты и многое в том же роде. Так, реальность, существовавшая в символическом и ритуальном плане, пыталась вместить в себя оправдание совершенно иного уровня человеческой деятельности. Довольно значительная часть из содержащегося в подобных источниках материала (с точки зрения исторической информации) может быть отброшена без больших опасений, часть же быть проверена никогда не может» [Шкунаев 1989: 30–31].

Или, как сказал об этом же Дж. Келлехер, «мы не сможем никогда узнать правды об истории Ирландии первых пяти веков после принятия христианства, пользуясь лишь свидетельствами официальными, как, например, историк будущего не сможет воссоздать историю России XX в., если он будет пользоваться лишь разрозненными томами Советской энциклопедии» [Kelleher 1963: 122]. Сопоставление деятельности средневековых ирландских анналистов с «историзмом» советской историографии кажется нам очень удачным и уместным.

Иной подход к проблеме содержится в цикле работ немецкой исследовательницы Х. Тристрам, которая предлагает рассматривать и «Похищение», и уладские саги в целом именно как продукт литературной деятельности обращенных в христианство филидов (см.: [Tristram 1995]). Впрочем, как она отмечает, подход «литературный» не противоречит «политическому». Как писала об этом другая исследовательница древнеирландской нарративной традиции, П. Келли, «сага остается сагой, даже если ее содержательный контур нанесен на историческую карту» [Kelly 1992: 89].

Кроме того, как мы понимаем, следует различать Похищение как сюжет, за которым действительно могут стоять аллегорические намеки на какие-то реальные исторические события, и собственно саги уладского цикла, которые несомненно функционировали в устной форме (хотя бы изначально), а затем со всей очевидностью оказались втянутыми в универсальный процесс эпической циклизации[15]. Таким образом, создание грандиозной эпопеи о победе уладов над коннахтами явилось своего рода логическим продолжением этого процесса.

Естественно, все сказанное представляет собой в значительной степени упрощение, и в выделении уладского цикла в целом и рассказа о Похищении в частности большую роль сыграли и чисто литературные факторы (потребность в эпическом материале), и, возможно, элемент случайности (напри-

[15] См. в данной связи работу Б. Хиллерс о персонажах уладских саг, в которой делается попытка рассмотреть их именно как «цикл» [Hillers 1995].

мер, как известно, «Песнь о Роланде» воспевает далеко не самое главное политическое событие эпохи Карла Великого). Нам остается лишь повторить блистательные по своей расплывчатости слова С. В. Шкунаева: «циклизация уладских саг стала возможной именно из-за их удаленности от исторической и политической злобы дня. Или, вернее, эта злоба дня влияла на уладские саги на высоком и легко интегрируемом уровне. К моменту формирования цикла уладское королевство давно уже не существовало и его прошлое сделалось своего рода предысторией, героическим идеалом и оправданием многих реалий позднейшего времени» [Шкунаев 1991: 29].

* * *

Противопоставляя «Похищение быка из Куальнге» как фабульный элемент виртуального мира саг уладского цикла (или — как нарративного события) Похищению как собственно эпической «нарреме» (или — сюжетному материалу), мы должны отметить, что данное противопоставление существовало уже в самой древнеирландской нарративной традиции.

О возникновении рассказа о похищении Айлилем и Медб у уладов чудесного быка мы знаем мало. Предположительная установка на достоверность нарратива делала саму проблему в данном случае лишенной смысла: рассказ о событии изначально должен был оцениваться и восприниматься как тождественный событию. Реально этот мотивный инструментарий складывался постепенно, из разных и многообразных повествовательных элементов. Так, с одной стороны, некоторые намеки, содержащиеся в других сагах (в основном в «Повести о свинье Мак Дато»), позволяют предположить, что угоны скота практиковались в Древней Ирландии реально, служили знаком своего рода боевой удали и давали материал для дальнейших рассказов эпического толка. Естественно, при анализе рассказов об угонах скота исследователями проводились параллели с традицией античной (см. в одной из ранних работ: [d'Arbois de Jubainville 1907: 1–15][16]). Причем сопоставление с преданиями древних греков могло приводить к выводам и о генетическом тождестве, и об индоевропейской архаике, и о поздних заимствованиях, в основном из «Илиады» и «Энеиды»[17]. В то же время сами образы двух чудесных быков, белого и бурого, оценивался совершенно справедливо как глубоко символический: это образ года, состоящего из двух половин, темной и светлой, причем части эти несовместимы и находятся в постоянной вражде[18].

[16] Параллели с русской традицией см. в нашей небольшой работе: [Михайлова 1983b].

[17] Последний аспект, который в ирландистике называется «антинативистским», представлен в основном в трудах К. Мак Кона (см. его программную монографию: [McCone 1990: 49–51]).

[18] Данная интерпретация образов чудесных быков — не единственная. Они ставились в один ряд с другими священными животными кельтов (см.: [Ross 1967: 215 ff.]); проводились параллели с галльскими изображениями быков (см.: [Ross 1961]), в то же время схватку белого и бурого быков рассматривали как символическое изображение борьбы язычества и христианства в Древней Ирландии (см.: [MacNeill 1962]). «Все саги об уладах мифологичны по своему происхождению», — еще более категорично писал Т. О'Рахилли [O'Rahilly 1946b: 271].

Другой составляющей рассказа о Похищении — собственно говоря, важнейшей — является изображение поединков героя, Кухулина, из которых он всегда выходит победителем, а также вражда уладов и коннахтов в целом. Генетически эта тема, как можно предположить, восходит к каким-то реальным межплеменным конфликтам, которые, как мы уже отмечали выше, со временем получили новое, тенденциозное освещение: борьба уладов за собственную политическую независимость стала изображаться исключительно как реакция на агрессию со стороны коварных королей Коннахта. Важным свидетельством в данном случае является малоизвестная поэма некоего Лукрета (Luccreth moccu Chíara), датируемая началом VII в. Ее героем является Фергус, который вынужден покинуть свои земли после наводнения и искать убежища на территории муманов (юго-запад острова). Его главным противником в поэме называется королева Медб, которая, однако, правит не коннахтами, а центральным районом Ирландии, Миде. Кухулин в поэме не упоминается вообще. Дж. Карни, издавший фрагменты этого текста, видит в нем проторедакцию «Похищения» и пишет, что «присутствующие в поэме генеалогические отступления проливают свет на популярность саг об уладах в средневековой Ирландии в целом. Многие знатные роды связывали свои корни с этим народом, проигравшим на исторической и политической сцене» [Carney 1971: 75]. «Стандартной практикой фабриковки генеалогий» называл поэмы Лукрета и Г. Олмстед [Olmsted 1992: 6]. Но здесь мы вновь выходим за рамки собственно рассказа о похищении чудесного быка (Похищение как фабула) и говорим скорее об уладском цикле в целом.

Возникновение «Похищения быка из Куальнге» как с ю ж е т а самой традицией осмысляется как явление относительно позднее. В составе «Лейнстерской книги» (рукопись около 1160 г.) до нас дошла сага, называющаяся «Как было найдено “Похищение быка из Куальнге”» (букв. «Получение Похищения» — Foillsigud na Tana), датирующаяся уже среднеирландским периодом (отдельный фрагмент саги «Трудное гостевание Гуайре»). Ее действие относится к середине VII в., а точнее — ко времени правления короля Гуайре (умер в 663 г.). Его главным филидом был в то время Сенхан Торпест, человек скандальный и требовательный. Чтобы на время избавиться от поэтов, наполнявших его дом, король Гуайре наложил на них зарок: не спать две ночи подряд под одной и той же крышей, пока они не исполнят «Похищение» целиком, от начала до конца. И тогда выяснилось, что «Похищение» именно как сюжет, в строгом понимании данного термина — как правильная последовательность эпизодов, включая «вставные», — поэтам Ирландии неизвестно: «Собрались однажды поэты со всей Ирландии вокруг Сенхана Торпеста, дабы выяснить, знает ли кто-нибудь из них Похищение Быка из Куальнге целиком. Но сказал из них каждый, что известна ему лишь часть» [Похищение 1985: 5]. Чтобы «обрести» повесть о Похищении быка, как это ни странно, Сенхан отправил на Континент (в Лету — Италию?) одного из своих учеников, поскольку было известно, что «Похищение» «один мудрец взял на восток вместо Кульвена (Culmen)».

Странным словом Кульвен[19] в ирландской традиции, как принято считать, назывались «Этимологии» Исидора Севильского, которые в Ирландии периода раннего Средневековья были хорошо известны (см.: [O'Máille 1921–1923: 74]). «Этимологии» Исидора датируются 622–633 гг., таким образом, описанные в нашем фрагменте события должны происходить примерно после 650 г., когда они начали распространяться в Ирландии, и до 657 г. — когда, согласно «Анналам», умер Сенхан Торпест.

На самом деле все сказанное не надо понимать буквально. Как пишет Т. О'Майлле, мы не знаем точно, что именно понималось в ирландской ученой традиции под словом *Кульвен*, возможно — не только «Этимологии» Исидора, но и какие-то иные, более ранние латинские тексты[20], также энциклопедического характера. Но в данном случае для нас важнее другое: в середине VII в. (или позднее, когда складывалась традиция вокруг «Похищения») существовала идея «утраченного» эпического текста, бытовавшего в рукописной форме. Сам факт возможности обмена его на другую рукопись, естественно, предполагал, что «Похищение» мыслилось именно как предмет, иными словами — существовало уже как памятник письменный, причем — написанный кем-то, а не просто записанный «с устного исполнения». Буквальное понимание данного эпизода должно привести к простой идее, что проторедакция «Похищения» существовала лишь в письменной форме. Как справедливо отмечает Г. В. Бондаренко, «очевидно, здесь речь идет о письменном тексте "Похищения", ценность которого равна для ирландского эрудита энциклопедической компиляции Исидора. Книга с "Похищением" вывезена из Ирландии, таким образом, подразумевается высокая ценность "Похищения" (или ирландской книги вообще) в общеевропейском контексте. Мы сталкиваемся здесь с редким для средневековой Ирландии примером абсолютизации Книги, священного письменного текста (появление "Похищения", таким образом, сопоставимо с появлением Корана или Голубиной книги). Однако после мимолетного появления письменного текста мы снова возвращаемся к устному "исходному" тексту, дающемуся откровением в "ином мире"» [Бондаренко 2007: 292].

Мы не уверены, что на самом деле все было именно так; скорее, все было несколько сложнее. Естественно, «Похищение» вряд ли было «обменяно» на труды Исидора Севильского, скорее, оно просто было забыто — как забываются именно тексты, предназначенные для устного исполнения. Напомним, что эпизод с «обретением» «Похищения» кончается тем, что ирландским поэтам является призрак уладского героя Фергуса, который исполняет весь рассказ от начала до конца.

---

[19] Предположительное значение — 'боковой, задний смысл' (от *cul* 'задняя часть, угол, бок', *menn* 'суть, смысл').

[20] Появление Кульвена связывается иногда с деятельностью св. Гильды Премудрого, который около 565 г. посетил Ирландию и, как считается, привез с собой какие-то тексты.

Проблема соотнесения устной и письменной традиции является для ирландского средневекового нарратива проблемой давней, но так и не имеющей однозначного решения. Более того, понятие устной нарративной традиции также понимается неоднозначно, так как степень вариативности данных текстов, с одной стороны, и среды их носителей, с другой, реконструируется с известной долей условности. Неравноценен в данном случае и сам материал, который условно можно назвать эпическим. «Авторский коллектив рассматривает соотношение книжного эпоса с фольклором как важнейшую проблему» — писали тридцать лет назад составители сборника «Памятники книжного эпоса» [Мелетинский и др. 1978: 10–11]. Но устное далеко не всегда равноценно фольклорному, особенно в бесписьменном обществе. Как писал еще Цезарь, кельты, жившие в Галлии, в той или иной степени уже были знакомы с письменностью (в основном греческой), однако использовали ее в сугубо прикладных целях. Тексты же, содержащие сведения космогонического и исторического характера, заучивались наизусть их носителями — друидами — и передавались изустно (но в неизменной форме!) из поколения в поколение в особых школах. Эти не дошедшие до нас тексты можно условно назвать «памятниками мифологического эпоса», хотя, строго говоря, их «эпичность» далеко не очевидна. По другим источникам мы знаем и о существовании у континентальных кельтов своего рода «героических песен», т. е. текстов, прославляющих боевые подвиги: это та же традиция создания комплекса «посмертной славы» поэтами-профессионалами. Например, Лукан в поэме «Фарсалия» пишет, перечисляя племена и социальные группировки противников Рима:

> Также, барды, и вы, векам сохранившие в гимнах
> Сильные души мужей, загубленных жадной войною,
> Распространили теперь, беспечные, множество песен.
> ‹…› Народы
> Северных стран, в ошибке такой, должно быть, блаженны,
> Ибо несноснейших страх — страх смерти их не тревожит.
>
> [Лукан 1951: 20]

Среднеирландские трактаты, посвященные описанию поэтического профессионального обучения, которое длилось 12 лет, отмечают, что на восьмом году филид должен был заучить главные саги (см. изложение полной программы обучения филидов в [Калыгин 1986: 22]). Говоря строго, и в поздней традиции, и в отдельных ранних текстах можно найти фрагменты того, что называется хвалебной поэзией (умение сочинять такие поэмы, причем — следуя определенной форме, также требовалось от профессионального филида), которую в принципе тоже можно отнести к героической поэзии, по крайней мере, к одной из ее протоформ. Но говорить с данных позиций о ранних поэмах, воспевающих, например, того или иного умершего короля, совершенно не принято. Как мы полагаем, не только из-за того,

что эти поэмы обычно предстают как авторские, но и из-за их «лиричности» и субъективности, для «настоящего» эпоса недопустимой[21]. Если мы примем на веру все свидетельства о существовании филидических школ и принципах обучения в них, а также об обязательном знании филидами эпических текстов, мы должны будем сделать вывод о том, что традиция эта была, с одной стороны, развернутой, с другой — профессиональной, а следовательно — отнюдь не фольклорной. Адресатом этих памятников (сюжетов, текстов?) была высшая знать. Отсутствие письменности лишает смысла само противопоставление «устное–письменное», но сказанное не означает, что все устные (по необходимости!) тексты автоматически можно считать принадлежащими к фольклорному корпусу. И, более того, как писал еще Ю. М. Лотман, «тысячелетнее существование бесписьменных культур в доколумбовой Америке служит убедительным свидетельством устойчивости такой цивилизации, а достигнутые ею высокие культурные показатели наглядно демонстрируют ее культурные возможности. Для того чтобы письменность сделалась необходимой, требуются нестабильность исторических условий, динамизм и непредсказуемость обстоятельств и потребность в разнообразных семиотических переводах, возникающая при частых и длительных контактах с иноэтнической средой» [Лотман 1987: 11]. Примерно такая ситуация действительно возникла в Ирландии начала нашей эры и усугубилась после принятия христианства, принесшего с собой и письменность[22].

Рассказы о героическом прошлом бытовали в аристократической среде и исполнялись профессиональными сказителями-филидами. Именно эти тексты, возможно, в сильно измененном виде, дошли до нас уже на страницах рукописей. Размеры и объем искажений, естественно, определить с той или иной степенью достоверности мы не можем, но можем лишь строить предположения. Как можно реконструировать этот процесс, параллельно в крестьянской среде имели хождение другие повести, в основном — о Финне и его воинах. Возможно, на каком-то раннем этапе эти группы памятников были довольно близки друг другу, но затем по не совсем ясным причинам они разошлись: саги об уладах подверглись циклизации и стали своего рода «эпической агиткой», повести о Финне сильно варьировали и стали популярны в народной среде (рефольклоризация), причем в виде своего рода волшебных сказок они известны ирландцам и в наши дни.

Как выглядели с точки зрения их поэтики эти устные саги? Как, когда и кем они были записаны? В какой степени подверглись искажениям в мо-

[21] В качестве образца поэмы такого типа мы можем рекомендовать русскому читателю поэму «Чудо Ку Рои», переведенную Н. А. Николаевой [Чудо 2001].

[22] Под письменностью мы в данном случае понимаем именно письмо в современном его понимании; так называемая огамическая письменность, существовавшая в Ирландии несколько раньше, была ограничена в области функционирования: при помощи косых и горизонтальных черт на ребре камня высекались имена, предположительно — умерших (см. об этом подробнее: [Королев 1984]).

мент фиксации? Ответов на все эти вопросы, строго говоря, нет. Точнее, каждый исследователь решает их по-своему, исходя из собственных априорных установок. Так, в классической книге Р. Турнейзена «Ирландские героические и королевские саги», во многом положившей начало изучению ирландской эпической традиции, говорится: «Вряд ли первые фиксации возникали таким образом, что монах в монастыре выспрашивал у филида его повесть, скорее, можно предположить, что многие филиды обучались чтению и письму и сами записывали то, что казалось им достойным запоминания, и в том числе собственные творения» [Thurneysen 1921: 72]. Такая точка зрения долгое время считалась традиционной. Так, примерно та же идея высказывалась и М. Диллоном в его (довольно популярном) издании «Древнеирландская литература»: «Считается, что повесть ("Похищение". — *Т. М.*) была записана в середине VII в. филидом, который был знаком с латинской ученостью монастыря и хотел сохранить исконную героическую традицию в ее живой форме» [Dillon 1948: 3]. Иначе считает, например, П. Мак Кана (отметим — сторонник нативистской школы, см. ниже), который пишет, что «устная традиция заметно отличалась от письменной. Это ясно видно на примере стиля ранней прозы: поскольку многие древние и средневековые повести представляют собой литературные компиляции, мы не должны видеть за ними устного текста, к которому они восходят. Ранне-новоирландские тексты были записаны с устных образцов почти буквально» [Mac Cana 1980: 10].

Сам факт существования этой «живой формы» был поставлен под сомнение Дж. Карни, который в своей работе «Внешний элемент ирландской саги» [Carney 1955] положил, как принято считать, начало направлению, получившему затем название «антинативизм». Отмечая вслед за Р. Турнейзеном наличие явно античных реалий (фурии, амазонки и т. п.), Карни предположил, что и собственно поэтика саги также имеет античное происхождение. В частности, он опирался на анализ приема «стороннего наблюдателя» (watchman device), в котором он видел кальку с описания Приамом ахейских героев на стене Трои[23].

Если последнее отчасти и верно, то сам «эпический стиль» «Похищения быка из Куальнге» (прозаический текст с поэтическими вкраплениями, практически лишенный традиционных формул, общих мест, повторов и иных элементов эпической поэтики) скорее демонстрирует самостоятельность ирландской саговой формы, а отнюдь не желание создать местную эпопею по модели «Энеиды» или «Илиады».

«Похищение быка из Куальнге» как т е к с т дошло до нас в трех редакциях, из которых наиболее полными и законченными считаются тексты из «Книги Бурой Коровы» (LU, первая редакция) и из «Лейнстерской книги» (LL, вторая редакция)[24]. Несмотря на значительную сюжетную близость

[23] Подробнее об этом см. в наших работах: [Михайлова 1989; Михайлова 1995].
[24] Подробный текстологический анализ см.: [O'Rahilly 1970; Шкунаев 1985].

всех редакций, как считают многие исследователи, общую для них проторедакцию восстановить все же невозможно. Более того, сопоставление текстов двух редакций достаточно ясно показывает, что сам текст либо подвергся особого рода литературной обработке уже в момент копирования, либо мог сохранить какие-то черты «устности» в одной рукописи и утратить их в другой. В данном случае мы говорим не о стандартном для устного эпоса наборе сюжетов, мотивов, образов и композиционных особенностях (как это делает, например, Дорис Эдель [Edel 2001a; 2001b]), а о собственно «эпической форме»[25].

Как отмечает Эдель, «мы не можем сказать, является ли изощренность (sophistication) текста тенью устного исполнения, если только это действительно отражение таланта исполнителя, или здесь проявляется влияние на компилятора античного наследия» [Edel 2001b: 219]. Сказанное относится в данном случае к особым композиционным приемам «Похищения», однако данный вопрос следует поставить шире.

«Формульный характер древнеанглийский поэмы “Беовульф”, — пишет А. Лорд, — был продемонстрирован целым рядом работ, начиная с моего собственного анализа в 1949 г., который был исправлен и дополнен в 1953 г. Ф. П. Магуном и в окончательном виде подробно разработан Р. Кридом. Формульность поэмы подтверждается исчерпывающим и тщательно подобранным материалом. Проведенного анализа и самого по себе достаточно для доказательства у с т н о г о (разрядка наша. — *Т. М.*) происхождения “Беовульфа”» [Лорд 1994: 223]. Таким образом, наличие формул автоматически должно свидетельствовать об изначальной устности текста, а их отсутствие — о его письменном происхождении. М. Пэрри определял формулу как «группу слов, регулярно используемых в одних и тех же метрических условиях для выражения какой-либо основной идеи» [Parry 1930: 80]. Таким образом, в ирландских сагах нет и не может быть формул в строгом смысле этого слова, поскольку в силу их прозаичности в их текстах не может возникнуть «одних и тех же метрических условий». Однако это не совсем так.

В свое время нами был предпринят детальный анализ текста «Похищения» (в основном в Лейнстерской редакции, LL) именно с целью выявить в нем характерные для эпоса приемы (см.: [Михайлова 1983а]). Традиционных эпических «формул» в нем действительно нет, однако нами было обнаружено достаточное количество формул этикетного характера (слова приветствия, клятвы и др.), а также часто встречающиеся повторы, которые выглядят как явно продуманные, четко прослеженные и без сомнения являющиеся одним из элементов поэтики текста. Например, вставной эпизод «Детские подвиги Кухулина» делится в свою очередь на три микроэпи-

[25] Исследованию мотивной структуры, композиции, набора персонажей уладских саг посвящено достаточно много работ, однако, к нашему удивлению, никто из исследователей не обращался к изучению собственно текста, нарративной ткани повествования.

зода, каждый из которых заканчивается концовкой, представляющей собой вариативный повтор:

> Маленький мальчик, который совершил этот подвиг,
>
> 1) сказал Фергус, в пять лет поразил сыновей героев и воинов у входа в их собственный лагерь и крепость,
>
> 2) сказал Кормак, в шесть лет убил сторожевого пса, с которым не могли справиться воины и вооруженные люди из других земель,
>
> 3) сказал Фергус, в семь лет победил героев и воинов, которые убили дважды тридцать мужей уладов и никто не отомстил за них, пока не пришел этот мальчик,
>
> так нечего удивляться, что вышел он на рубеж и срезал четырехзубый шест, и убил одного человека, или двоих, или троих, или четверых теперь, когда исполнилось ему семнадцать лет ко времени Похищения быка из Куальнге[26].

В редакции, зафиксированной в «Книге Бурой Коровы», LU, аналогичные повторы также присутствуют, но выдержаны далеко не так строго, более того — в концовке третьего эпизода говорится, что Кухулину исполнилось не 17, а 16 лет [Lebor na hUidre 1929: 163].

Как отмечает в своем предисловии к изданию «Похищения» С. О'Рахилли, «не только одинаковые события описываются одинаковыми словами, но даже когда послу сообщают послание, он передает его затем адресату в тех же выражениях» [O'Rahilly 1970: xlvii]. Текст из LU подобных примеров почти не дает.

То же можно сказать о прозопоэтической форме саги: если в LL мы видим достаточно большое количество поэтических вставок, как правило, передающих речь героев в моменты особой эмоциональной приподнятости, то в тексте LU их нет почти совсем.

Все это безусловно говорит о большей прилежности, образованности и даже — о большем таланте писцов «Лейнстерской книги», но каков был при этом их «ценностный ориентир», сказать трудно: либо устная традиция, либо действительно — античные эпопеи. Отметим также, что текст рукописи не первичен и восходит к утраченной протоверсии второй редакции.

* * *

Как кажется, это все-таки говорит о том, что «Похищение» как единая эпопея могла существовать еще в устной форме, но скорее как сюжет, а не как текст, а, видимо, все же существовавшая когда-то письменная проторедакция появилась достаточно рано и затем подверглась очень сильным переработкам. Но, повторяем, его изначальная устность не была устностью фольклора, но являлась частью единой псевдоисторической традиции, пи-

[26] Оригинал см. в [Táin Bó Cúalnge 1970: 23, 25, 33].

тавшейся и политическими выгодами, и латинской ученостью. Возможно, знакомство с античными эпопеями действительно послужило своего рода толчком для создания собственного эпического текста большого размера, но очевидно, что изначально этот процесс начался уже на уровне устном, когда «исторические» предания стали выстраиваться в одну, единую цепь достоверных и политически выверенных событий.

Ирландский текст «Похищения» в «Лейнстерской книге» кончается словами: «Благословение каждому, кто достоверно запомнит “Похищение”, как записано здесь, и ни в чем от него не отступит». За этим торжественным финалом добавлена фраза на латинском языке (предположительно она принадлежит так называемому писцу T, см. [O’Sullivan 1966: 24]): «Я же, который записал эту повесть (historiam), а точнее, вымысел (fabulam), не беру на веру рассказанных здесь историй. Ибо многое здесь — наущение лукавого, иное — причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение 1985: 327].

Обычно эти слова трактуют как скептическую оценку христианским писцом изображенных в саге отголосков языческих мифов. Но, если вдуматься, текст «Похищения» сам по себе практически лишен каких бы то ни было маркеров религиозной идентичности его компилятора. Кроме описания гипертрофированных воинских доблестей Кухулина, в нем нет никаких нарративных реалий, которые можно было бы назвать мифическими и отнести к исконному языческому материалу. Правда, христианский элемент в нем также отсутствует. Не сто́ит ли взглянуть на эти слова как на своего рода «кукиш в кармане» у писца, который вполне мог понимать истинный агитационный смысл повести о поражении Коннахта?

Литература

Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр., общ. ред., вступит. ст. Ю. С. Степанова; коммент. Ю. С. Степанова и Н. Н. Казанского. М.: Прогресс–Универс, 1995. 456 с.

Бондаренко 2007 — *Бондаренко Г. В.* Повседневная жизнь древних кельтов. М.: Молодая гвардия, 2007. 396 с.

Боура 2002 — *Боура С. М.* Героическая поэзия / Пер. с. англ. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 791 с.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 кн. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. xcvi + 1340 с.

Ирландские саги 1933 — Ирландские саги / Пер. с ирл., предисл., вступит. ст. и коммент. А. А. Смирнова. Л.; М.: Academia. 1933. 368 с.

Калыгин 1986 — *Калыгин В. П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М.: Наука, 1986. 126 с.

Королев 1984 — *Королев А. А*. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984. 209 с.

Лорд 1994 — *Лорд А. Б*. Сказитель / Пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.

Лотман 1987 — *Лотман Ю. М*. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 3–11.

Лукан 1951 — *Лукан Марк Анней*. Фарсалия или поэма о гражданской войне / Пер. Л. Е. Остроумова, коммент. Ф. А. Покровского. М.; Л.: Наука, 1951. 354 с.

Мелетинский и др. 1978 — Проблемы изучения книжного эпоса // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / Отв. ред. Е. М. Мелетинский; Ред. кол.: П. А. Гринцер и др. М.: Наука, 1978. С. 7–15.

Михайлова 1983a — *Михайлова Т. А*. Ирландская героическая сага и проблема типологии эпического текста (на материале уладского цикла): Дис. … канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1983.

Михайлова 1983b — *Михайлова Т. А*. Старина о большом быке и некоторые параллели в мировом фольклоре (мотив похищения скота) // Русская литература. 1983. № 3. С. 192–196.

Михайлова 1989 — *Михайлова Т. А*. «Боевая колесница с серпами» как памятник, как текст, как реалия // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1989. С. 119–142.

Михайлова 1995 — *Михайлова Т. А*. «Кто там в малиновом берете...», или о функции цвета в ирландских эпических и фольклорных памятниках // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. 1. М., 1995. С. 5–16.

Похищение 1985 — Похищение Быка из Куальнге / Пер. С. Шкунаева // Похищение Быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М.: Наука, 1985. С. 117–327.

Предания и мифы 1991 — Предания и мифы Средневековой Ирландии / Под ред. Г. К. Косикова; Сост., пер., вступит. ст. и коммент. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1991. 284 с.

Рис 1999 — *Рис А., Рис Б*. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Энигма, 1999. 479 с.

Чудо 2001 — Чудо Ку Рои / Введение, пер. с древнеирл. и коммент. Н. А. Николаевой // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. 5. М.: МГУ, 2001. С. 284–297.

Шкунаев 1985 — *Шкунаев С. В*. «Похищение» и предания об ирландских героях // Похищение Быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М.: Наука, 1985. С. 382–444.

Шкунаев 1989 — *Шкунаев С. В*. Община и общество западных кельтов. М.: Наука, 1989. 191 с.

Шкунаев 1991 — *Шкунаев С. В*. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы Средневековой Ирландии / Под ред. Г. К. Косикова; Сост., пер., вступит. ст. и коммент. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1991. С. 5–31.

Carney 1955 — *Carney J*. The external element in Irish Saga // *Carney J.* Studies in Irish Literature and History. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies, 1955. P. 76–323.

Carney 1971 — *Carney J*. Three old Irish accentual poems // Ériu. Vol. 22. 1971. P. 23–80.

Chadwick 1932 — *Chadwick N. K., Chadwick J.* The Growth of Literature. Vol. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932. 672 p.

d'Arbois de Jubainville 1907 — *d'Arbois de Jubainville H*. Táin bó Cúalnge: Enlévement du taureau divin et des vaches de Cooley. Paris: Champion, 1907. 84 p.

Dillon 1946 — *Dillon M*. The Cycles of the Kings. Oxford: Oxford Univ. Press, 1946. 124 p.

Dillon 1948 — *Dillon M*. Early Irish Literature. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1948. 191 p.

Edel 2001a — *Edel D.* The insular-Celtic narrative tradition: Between orality and literacy // *Edel D.* The Celtic West and Europe. Studies in Celtic Literature and the Early Irish Church. Dublin: Four Courts Press, 2001. P. 177–196.

Edel 2001b — *Edel D*. The *Táin Bó Cúailnge* between orality and literacy: Prolegomena to a history of its development literacy // *Edel D.* The Celtic West and Europe. Studies in Celtic Literature and the Early Irish Church. Dublin: Four Courts Press, 2001. P. 216–226.

Ford 1995 — *Ford P. K*. The idea of everlasting fame in the Táin // Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales / Ed. by J. P. Mallory, G. Stockman. Belfast: December Publications, 1995. P. 255–261.

Hillers 1995 — *Hillers B*. The heroes of the Ulster cycle // Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales / Ed. by J. P. Mallory, G. Stockman. Belfast: December Publications, 1995. P. 99–106.

Kelleher 1963 — *Kelleher J. V*. Early Irish history and pseudo-history // Studia Hibernica. Vol. 3. 1963. P. 113–127.

Kelleher 1971 — *Kelleher J. V*. The Táin and the Annals // Ériu. Vol. 22. 1971. P. 107–128.

Kelly 1992 — *Kelly P*. The Táin as literature // Aspects of the Táin / Ed. by J. P. Mallory. Belfast: December Publications, 1992. P. 69–102.

Lambert 1981 — *Lambert P. Y*. Les littératures celtiques. Paris: Presses universitaires de France, 1981. 127 p.

Lebor na hUidre 1929 — Lebor na hUidre = Book of the Dun Cow / Ed. by R. I. Best, O. Bergin. Dublin: Royal Irish Academy, 1929. 340 p.

Mac Cana 1980 — *Mac Cana P*. The Learned Tales of Medieval Ireland. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies, 1980. ix + 159 p.

MacNeill 1962 — *MacNeill M.* The Festival of Lughnasa: A Study of the Survival of the Beginning of Harvest. Oxford: Oxford Univ. Press, 1962. xi + 697 p.

McCone 1990 — *McCone K*. Pagan Past and Christian Present in Early Irish Literature. Maynooth: An Sagart, 1990. x + 277 p.

Ní Chongaile, Tristram 1990 — *Ní Chongaile N., Tristram H. L. C*. Die mittelirischen Sagenlisten zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit // Deutsche, Kelten und Iren. 150 Jahre deutsche Keltologie / Ed. by H. L. C. Tristram. Hamburg: Buske Verlag, 1990. S. 249–268.

O'Máille 1921–1923 — *O'Máille T*. The authorship of the Culmen // Ériu. Vol. 9. 1921–1923. P. 71–76.

O'Rahilly 1946a — *O'Rahilly T. F*. Cruithni and Ulad // *O'Rahilly T. F.* Early Irish history and mythology. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies, 1946. P. 341–352.

O'Rahilly 1946b — *O'Rahilly T. F*. History or fable? // *O'Rahilly T.F.* Early Irish history and mythology. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies, 1946. P. 260–285.

O'Rahilly 1970 — *O'Rahilly C*. Introduction // Táin bó Cúalnge from the Book of Leinster / Ed. C. O'Rahilly. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1970. P. ix–vl.

O'Riain 1995 — *O'Riain P.* The *Táin*: A clue to its origin // Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales / Ed. by J. P. Mallory, G. Stockman. Belfast: December Publications, 1995. P. 31–37

O'Sullivan 1966 — *O'Sullivan W*. Notes on scripts and make-up of Book of Leinster // Celtica. Vol. 7. 1966. P. 1–31.

Olmsted 1992 — *Olmsted G*. The earliest narrative version of the Táin: Seventh-century poetic references to Táin bó Cúailnge // Emania. No. 10. 1992. P. 5–17.

Parry 1930 — *Parry M*. Studies in the epic technique of oral verse. I: Homer and Homeric style // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 41. 1930. P. 73–143.

Ross 1961 — *Ross A.* Esus et les trois "grues" // Etudes celtiques. Vol. 9. 1961. P. 405–438.

Ross 1967 — *Ross A*. Pagan Celtic Britain: Studies in Iconography and Tradition. London: Routledge and Kegan Paul; Columbia Univ. Press, 1967. xxxiii + 433 p.

Táin Bó Cúalnge 1970 — Táin Bó Cúalnge from the Book of Leinster / Ed. C. O'Rahilly. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1970. 356 p.

Thurneysen 1921 — *Thurneysen R*. Die irische Helden- und Königsage. Halle (Saale): M. Niemeyer, 1921. xii + 708 p.

Toner 2000 — *Toner G.* The Ulster cycle: Historiography or fiction // Cambrian Medieval Celtic Studies. Vol. 40. 2000. P. 1–20.

Tristram 1995 — *Tristram H. L. C*. What is the purpose of Táin Bó Cúailnge // Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales / Ed. by J. P. Mallory, G. Stockman. Belfast: December Publications, 1995. P. 11–21.

Vendryes 1974 — *Vendryes J*. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Vol. R, S. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1974. 261 p.

Watkins 1995 — *Watkins C.* How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 630 p.

Watkins 1976 — *Watkins C.* The etymology of Irish *dúan* // Celtica. Vol. 11. 1976. P. 270–277.

Windisch 1897 — *Windisch E*. Irische Texte. III Serie. 2 Heft. Leipzig: S. Hirzel, 1897. 596 S.

Táin bó Cuailnge as fiction?

Mikhailova, Tatiana A.
Doctor of Science in Philology, Professor
Philological faculty, Lomonosov Moscow State University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, MSU, 1 Hum. corp.
Tel.: +7 (495) 939-25-50
E-mail: tamih.msu@mail.ru

Abstract. The article represents an attempt to analyze a famous Early Irish epic saga narrative, *Táin bó Cuailnge,* as a production of pseudo-historical monastic tradition. At the same time, the text is treated as a source of information about the mythology and archaic history of Early Ireland as well as a source of information about the Middle Irish political and historical background, which to a significant degree determined the narrative structure of the monument. The author also uncovers in the text an echo of national problems present in Ireland during 1st – 3rd century AD, but, as a rule, tabooed in later Middle Irish historical and literature tradition.

Keywords: epic narrative, Irish saga, fiction and history, medieval vernacular literature, Latin influence, mediaeval scribe, text and transmission

References

Benvenist, E. (1995). *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms] (Transl. by Iu. S. Stepanov from: Benveniste, E. (1969). *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. Paris: Éditions de Minuit). Moscow: Progress–Univers. 456 p. (In Russian).

Best, R. I., Bergin, O. (eds.). (1929). *Lebor na hUidre = Book of the Dun Cow*. Dublin: Royal Irish Academy. 340 p.

Bondarenko, G. V. (2007). *Povsednevnaia zhizn' drevnikh kel'tov* [Everyday life of ancient Celts]. Moscow: Molodaia gvardiia. 396 p. (In Russian).

Bowra, C. M. (2002). *Geroicheskaia poeziia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Transl. by N. P. Grintser, I. V. Ershova from: Bowra, C. M. (1952). *Heroic poetry*. London: Macmillan). 791 p. (In Russian).

C. O'Rahilly (ed.). (1970). *Táin bó Cúalnge from the Book of Leinster.* Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies. 356 p.

Carney, J. (1955). The external element in Irish Saga. In J. Carney. *Studies in Irish literature and history*, 76–323. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies.

Carney, J. (1971). Three old Irish accentual poems. *Ériu, 22*, 23–80.

Chadwick, N. K., Chadwick, J. (1932). *The growth of literature*, vol. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 672 p.

d'Arbois de Jubainville, H. (1907). *Táin bó Cúalnge: Enlévement du taureau divin et des vaches de Cooley*. Paris: Champion. 84 p. (In French).

Dillon, M. (1946). *The cycles of the kings*. Oxford: Oxford Univ. Press. 124 p.

Dillon, M. (1948). *Early Irish literature*. Chicago: Univ. of Chicago Press. 191 p.

Edel, D. (2001a). The insular-Celtic narrative tradition: Between orality and literacy. In D. Edel. *The Celtic West and Europe. Studies in Celtic literature and the early Irish church*, 177–196. Dublin: Four Courts Press.

Edel, D. (2001b). The *Táin Bó Cúailnge* between orality and literacy: Prolegomena to a history of its development literacy. In D. Edel. *The Celtic West and Europe. Studies in Celtic literature and the early Irish church*, 216–226. Dublin: Four Courts Press.

Ford, P. K. (1995). The idea of everlasting fame in the Táin. In J. P. Mallory, G. Stockman (eds.). *Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales*, 255–261. Belfast: December Publications.

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Viach. Vs. (1984). *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy: Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury* [Indo-European language and the Indo-Europeans: Reconstruction, historical and typological analysis of protolanguage and protoculture]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. xcvi + 1340 p. (In Russian).

Hillers, B. (1995). The heroes of the Ulster cycle. In J. P. Mallory, G. Stockman (eds.). *Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales*, 99–106. Belfast: December Publications.

Kalygin, V. P. (1986). *Iazyk drevneishei irlandskoi poezii* [The language of ancient Irish poetry]. Moscow: Nauka. 126 p. (In Russian).

Kelleher, J. V. (1963). Early Irish history and pseudo-history. *Studia Hibernica 3*, 113–127.

Kelleher, J. V. (1971). The Táin and the Annals. *Ériu, 22*, 107–128.

Kelly, P. (1992). The Táin as literature. In J. P. Mallory (ed.). *Aspects of the Táin*, 69–102. Belfast: December Publications.

Korolev, A. A. (1984). *Drevneishie pamiatniki irlandskogo iazyka* [Ancient monuments of the Irish language]. Moscow: Nauka. 209 p. (In Russian).

Kosikov, G. K. (ed.), Shkunaev, S. V. (comp., transl., comment.) (1991). *Predaniia i mify Srednevekovoi Irlandii* [Legends and myths of Medieval Ireland]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 284 p. (In Russian).

Lambert, P. Y (1981). *Les littératures celtiques*. Paris: Presses universitaires de France. 127 p. (In French).

Lord, A. B. (1994). *Skazitel'*. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (Transl. by Iu. A. Kleiner and G. A. Levinton from: Lord, A. B. (1960). *The singer of tales*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press). 368 p. (In Russian).

Lotman, Iu. M. (1987). Neskol'ko myslei o tipologii kul'tur [Some thoughts on typology of cultures]. In B. A. Uspenskii (ed.). *Iazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and problems of translatability], 3–11. Moscow: Nauka. (In Russian).

Lukan, Mark Annei (1951). *Farsaliia ili poema o grazhdanskoi voine* [Pharsalia, or Poem of the civil war], transl. from Latin by L. E. Ostroumov, comment. by F. A. Pokrovskii. Moscow; Leningrad: Nauka. 354 p. (In Russian).

Mac Cana, P. (1980). *The learned tales of medieval Ireland*. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies. ix + 159 p.

MacNeill, M. (1962). *The Festival of Lughnasa: A study of the survival of the beginning of harvest.* Oxford: Oxford Univ. Press. xi + 697 p.

McCone, K. (1990). *Pagan past and Christian present in early Irish literature.* Maynooth: An Sagart. x + 277 p.

Meletinskii, E. M. et al. (1978). Problemy izucheniia knizhnogo eposa [Problems of studying the literary epic]. In E. M. Meletinskii et al. (eds.). *Pamiatniki knizhnogo eposa. Stil' i tipologicheskie osobennosti* [Monuments of the literary epic. Style and typological peculiarities], 7–15. Moscow: Nauka. (In Russian).

Mikhailova, T. A. (1983a). *Irlandskaia geroicheskaia saga i problema tipologii epicheskogo teksta (na materiale uladskogo tsikla): Dis. ... kand. filol. nauk* [Irish heroic saga and the problem of typology of epic text (on the material of the Ulad cycle): Cand. of Science on Philology Dis.]. Moscow: MGU imeni M. V. Lomonosova. (In Russian).

Mikhailova, T. A. (1983b). Starina o bol'shom byke i nekotorye paralleli v mirovom fol'klore (motiv pokhishcheniia skota) [The *starina* about the big bull and some parallels in world folklore (motif of theft of cattle)]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]*, 3*, 192–196. (In Russian).

Mikhailova, T. A. (1995). "Kto tam v malinovom berete...", ili o funktsii tsveta v irlandskikh epicheskikh i fol'klornykh pamiatnikakh ["Who is there in a crimson beret", or On the function of colour in epic and folklore monuments]. In *Atlantika: Zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantica: Notes on historical poetics]*, 1*, 5–16. Moscow: MGU. (In Russian).

Mikhailova, T. A. (1989). "Boevaia kolesnitsa s serpami" kak pamiatnik, kak tekst, kak realiia ["War chariot with sickles" as a monument, as a text, as a reality]. In *Epos Severnoi Evropy. Puti evoliutsii* [The epic of Northern Europe. The ways of its evolution], 119–142. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Ní Chongaile, N., Tristram, H. L. C. (1990). Die mittelirischen Sagenlisten zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit. In H. L. C. Tristram (ed.). *Deutsche, Kelten und Iren. 150 Jahre deutsche Keltologie*, 249–268. Hamburg: Buske Verlag. (In German).

Nikolaeva, N. A. (preamble, transl., comment.). Chudo Ku Roi [Miracle of Cu Roi]. In *Atlantika: Zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantica: Notes on historical poetics]*, 5*, 284–297. Moscow: MGU. (In Russian).

O'Máille, T. (1921–1923). The authorship of the Culmen. *Ériu, 9*, 71–76.

O'Rahilly, C. (1970). Introduction. In C. O'Rahilly (ed.). *Táin bó Cúalnge from the Book of Leinster*, ix–vl. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.

O'Rahilly, T. F. (1946a). Cruithni and Ulad. In T. F. O'Rahilly. *Early Irish history and mythology*, 341–352. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies.

O'Rahilly, T. F. (1946b). History or fable? In T. F. O'Rahilly. *Early Irish history and mythology*, 260–285. Dublin: Dublin Institute of Advanced Studies.

O'Riain, P. (1995). The *Táin*: A clue to its origin. In J. P. Mallory, G. Stockman (eds.). *Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales*, 31–37. Belfast: December Publications.

O'Sullivan, W. (1966). Notes on scripts and make-up of Book of Leinster. *Celtica, 7*, 1–31.

Olmsted, G. (1992). The earliest narrative version of the Táin: Seventh-century poetic references to Táin bó Cúailnge. *Emania, 10*, 5–17.

Parry, M. (1930). Studies in the epic technique of oral verse. I: Homer and Homeric style. *Harvard Studies in Classical Philology, 41*, 73–143.

Ris, A., Ris, B. (1999). *Nasledie kel'tov. Drevniaia traditsiia v Irlandii i Uel'se* (Transl. by T. Mikhailova from: Rees, A., Rees, B. (1961). *Celtic Heritage: Ancient Tradition in Ireland and Wales*. New York: Grove Press). Moscow: Enigma. 479 p. (In Russian).

Ross, A. (1961). Esus et les trois "grues". *Etudes celtiques, 9*, 405–438. (In French).

Ross, A. (1967). *Pagan Celtic Britain: Studies in iconography and tradition*. London: Routledge and Kegan Paul; Columbia Univ. Press. xxxiii + 433 p.

Shkunaev, S. (transl.) (1985). Pokhishchenie Byka iz Kual'nge [Theft of the Bull from Cualnge]. In T. A. Mikhailova, S. V. Shkunaev (eds.). *Pokhishchenie Byka iz Kual'nge* [Theft of the Bull from Cualnge], 117–327. Moscow: Nauka. (In Russian).

Shkunaev, S. V. (1989). *Obshchina i obshchestvo zapadnykh kel'tov* [Commune and community of the Western Celts]. Moscow: Nauka. 191 p. (In Russian).

Shkunaev, S. V. (1991). Geroi i khraniteli irlandskikh predanii [Heroes and keepers of Irish legends]. In G. K. Kosikov, (ed.), S. V. Shkunaev (comp., transl., comment.). *Predaniia i mify Srednevekovoi Irlandii* [Legends and myths of Medieval Ireland], 5–31. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Shkunaev, S.V. (1985). Pokhishchenie i predanie ob irlandskikh geroiakh ["Theft" and the legend of Irish heroes]. In T. A. Mikhailova, S. V. Shkunaev (eds.). *Pokhishchenie Byka iz Kual'nge* [Theft of the Bull from Cualnge], 382–444. Moscow: Nauka. (In Russian).

Smirnov, A. A. (transl. from Irish, preamble, comment.) (1933). *Irlandskie sagi* [Irish sagas]. Leningrad; Moscow: Academia. 368 p. (In Russian).

Thurneysen, R. (1921). *Die irische Helden- und Königsage*. Halle (Saale): M. Niemeyer. xii + 708 p. (In German).

Toner, G. (2000). The Ulster cycle: Historiography or fiction. *Cambrian Medieval Celtic Studies, 40*, 1–20.

Tristram, H. L. C. What is the purpose of Táin Bó Cúailnge. In J. P. Mallory, G. Stockman (eds.). *Ulidia. Proceedings of the first international conference on the Ulster cycle of tales*, 11–21. Belfast: December Publications, 1995.

Vendryes, J. (1974). *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*, vol. R, S. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies. 261 p. (In French).

Watkins, C. (1976). The etymology of Irish *dúan*. *Celtica, 11*, 270–277.

Watkins, C. (1995). *How to kill a dragon. Aspects of Indo-European poetics*. Oxford: Oxford Univ. Press. 630 p.

Windisch, E. (1897). *Irische Texte.* III Serie. 2 Heft. Leipzig: S. Hirzel. 596 p. (In German).

Mikhailova, T. A. (2015) *Táin bó Cuailnge* as fiction? *Shagi / Steps, 1*(2), 86–112